

«ГЕТИКА» ИОРДАНА – ГОТСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДАНИЕ ИЛИ КОНЪЮНКТУРА ЭПОХИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена рассмотрению современных взглядов на происхождение и карьеру готского историка VI в. Иордана и на особенности созданной им хроники «О происхождении и деяниях гетов», являющейся основным письменным историческим источником для реконструкции ранней истории готских племен. Некритичное отношение к данным Иордана, зачастую уникальным, представляется на современном этапе развития исторической науки неприемлемым. Будучи человеком своей эпохи, в большей степени компилятором, нежели самостоятельным автором, Иордан и его «Гетика» требуют более пристального анализа и верификации. Сделан вывод о том, что на современном этапе изучения этой проблемы «Гетика» Иордана представляется конъюнктурным метатекстом, в большей степени характеризующим особенности эпохи своего написания, нежели собственно историю гетов.

Ключевые слова: готы; история гетов; Иордан; «Гетика»; источниковедение; историческое предание гетов; история поздней Римской империи; идентичность гетов.

История европейского раннего Средневековья небогата на письменные источники. Во многом благодаря этому данный период получил в литературе наименование «темных веков». Распад империи, составлявшей системную основу существования практически всех европейских народов на протяжении нескольких столетий, закономерно повлек за собой утрату множества текстов и литературных памятников. Сохранившиеся же источники, в той или иной степени аутентичные эпохе позднеримской и постримской Европы, зачастую не столько способствуют исторической реконструкции, сколько ее затрудняют в силу своей специфики, лапидарности и разрозненности. В то же время они представляют для исследователей огромную ценность, поскольку позволяют судить о событиях, процессах и трендах, приведших к формированию современных европейских национально-территориальных образований. История народов Европы XXI в. начинается в V–VIII вв., возможно, и еще ранее. Однако именно об этих столь важных этапах онтогенеза европейских стран и обществ имеющиеся в научном обороте письменные источники позволяют судить скорее предположительно, со значительными огорками и вариабельностью.

Варварские объединения создавались на границах и на территории Римской империи; частью они оказывались эфемерными, частью же – достаточно устойчивыми, чтобы впоследствии сформировать средневековые европейские королевства. Внимание исследователей к готам объясняется не только значимой ролью последних в историческом контексте раннего Средневековья, но и относительно презентабельным корпусом источников, посвященных истории готских племен.

Центральное место среди этих источников занимает труд Иордана «De Origine Aqtibusque Getarum» (в русском переводе Е.Ч. Скржинской «О происхождении и деяниях гетов», используется также сокращенный вариант названия «Getica», введенный в научный оборот Т. Моммзеном). Эта достаточно существенная по объему хроника VI в. является единственной работой, сохранившейся до нашего времени, которая посвящена непосредственно истории становления варварского племени от истоков до формирования королевств на территории распадающейся империи. Ряд ее свидетельств является уникальными, по крайней мере, значительно более подробными, нежели в других источниках. К специфическим качествам и достоинствам данной хроники относятся и то, что ее автор, Иордан, причисляет себя к го-

там, что автоматически делает его свидетельства более аутентичными. Другие письменные источники, относящиеся к этому периоду, имеют греческое или латинское происхождение и транслируют соответствующие мировоззрение и идентичность.

Таким образом, Иордан выделяется среди авторов раннего Средневековья готским происхождением и, по всей видимости, готским образом мыслей, но и этим не ограничивается причина пристального внимания историков к его сочинению. Иордан во введении к «Гетике» признается, что его труд является сокращенным изложением двенадцатитомного повествования Кассиодора, министра остготского короля Теодориха Великого [1. С. 62]. Об этой хронике упоминает сам Кассиодор как об *opus magnum* готской истории, однако ни одного ее фрагмента, кроме работы Иордана, не сохранилось. Кассиодор же сообщает, что свой труд он составил на основе готских племенных сказаний, очевидно, королевских саг, что делает его принципиально важным для реконструкции ранней истории гетов. Сам Кассиодор пишет о своей истории как о попытке связать историю гетов и римлян, восстановить из полузабытых варварских легенд и редких фрагментов римских авторов цельную хронологию становления гетов как достойных королев для Италии [2].

Уже из этих слов можно заключить, что у гетов не было единого исторического предания, повествующего об особом королевском роде, некоего сакрального текста. Можно предположить лишь существование некоего цикла королевских саг, слабо упорядоченных и неverifiedируемых, откуда Кассиодор брал сведения о легендарных королях и создавал связную генеалогию. В то же время Х. Вольфрам, возможно, наиболее авторитетный современный исследователь истории гетов, руководитель классического проекта «*Monumenta Germaniae Historica*» (MGH), в своей обстоятельной монографии, посвященной готам, относительно мало внимания уделяет рассмотрению хроники Иордана как исторического источника. Указывая на общие моменты, упомянутые выше, он принимает эту хронику как буквальное изложение работы Кассиодора, а последнюю – как компиляцию племенного предания [3. С. 30–31]. Более того, Х. Вольфрам не всякий раз упоминает Иордана при разговоре о данных «Гетики», в основном ссылаясь на Кассиодора или на племенное предание [3. С. 56, 60 и др.]. Это говорит об убежденности исследователя в совершенно корректной трансляции данных

как Кассиодором, так и Иорданом. Представляется, что подобное мнение не является обоснованным.

Фигура Иордана и текст «Гетики» вызывали и вызывают до сих пор много вопросов, начиная с происхождения, положения, социального статуса Иордана. Его личность остается загадкой. Первая проблема, встающая перед историками, касается готской родословной Иордана. В завершающем «Гетику» параграфе Иордан пишет, что происходит от готов (*nes me quis in favorem gentis praedictae, quasi ex ipsa trahenti originem...*) [1. С. 122]. Для Е.Ч. Скржинской это является однозначным и неоспоримым свидетельством того, что Иордан – чистокровный остгот, вне зависимости от предположений ряда историков о его родстве с аланами [4. С. 13, 57]. Однако подобная безапелляционность вызывает сомнения, хотя и удобна в эвристическом плане: принадлежность Иордана к готскому племени предполагает его близкое знакомство с племенным преданием и мировоззрением. А. Кристенсен считает, что Иордан вполне мог быть и готом, и аланом одновременно, что для этого достаточно разного происхождения его родителей; исследователь выражает недоумение, отчего мысль о том, что у Иордана имелся не только отец, но и мать, никогда ранее не возникала на страницах источниковедческой критики [5. С. 92]. Действительно, позиция А. Кристенсена представляется более взвешенной; нельзя предполагать по умолчанию чистокровность происхождения средневековых варваров, тем более в условиях поздней империи, буквально бывшей котлом народов. Иордан в этом смысле может утверждать свое происхождение от готов, но себя при этом к готам не причисляет, его высказывание свидетельствует только о наличии готов среди его предков.

Процессы ассимиляции варваров на территории империи в VI в. зашли достаточно далеко, чтобы вопрос о племенной идентичности уступил место проблеме идентичности территориальной и политической. Среди работ, касающихся проблемы формирования готской идентичности, следует упомянуть исследования последователей Р. Венкуса, сформировавшего понятие племенной идентичности в ранние Средние века как процесса, обусловленного многими социальными, политическими, хозяйственными факторами [6. С. 16]. Указание на готское происхождение Иордана является важным, но не определяющим элементом его идентичности. Этническая и племенная принадлежность в условиях империи VI в. является эфемерным понятием, скорее прослеживается более общая стратификация римлянин – варвар, несколько сглаживаемая промежуточным слоем романизовавшегося варварского населения. Поэтому представляется наиболее адекватным оценивать Иордана именно как романизованного варвара.

Отчасти это подтверждается другим пассажем самого Иордана, единственным в «Гетике», в котором он говорит непосредственно о себе и своей биографии (*quousque Candac ipse viveret, fuit, eiusque germanae filio Gunthicus, qui et Baza dicebatur, mag. mil., filio Andages fili Andele de prosapia Amalorum descendente, ego item quamvis agramatus Iordannis ante conversionem meam notarius fui*) [1. С. 113]. Иордан называет себя *agramatus* и *notarius*, неграмотным секретарем готского полководца. Это воспринимается как оксюморон, однако

имеет свое объяснение. Е.Ч. Скржинская полагает, что здесь Иордан подразумевает недостаток традиционного школьного образования, тривиума, что делает его слог нелитературным, не соответствующим привычным канонам написания хроник того времени [4. С. 23–24]. Кроме того, она отмечает подобный прием самоуничижения у Григория Турского, возводя эту традицию к библейской фразе в Деяниях Апостолов 4.13: «Видя смелость Петра и Иоанна и приметив, что они люди не книжные и простые, они удивлялись, между тем узнавали их, что они были с Иисусом» [4. С. 26]. Здесь Е.Ч. Скржинская полностью следует германской историографической традиции начала XX в., сформулированной в работе Й. Фридриха [5. С. 93].

В то же время А. Кристенсен указывает на полемику, заочно развернувшуюся между Б. Кроуком и Д.Б. Брэдли, в которой первый полагал, что Иордан как войсковой секретарь и не должен был иметь классического образования, поскольку готовил только военные документы и записи, однако на разговорном уровне владел несколькими языками. При мультиязычности римской армии поздней Античности это было очень вероятным требованием к секретарю; при этом латинский язык не являлся для Иордана родным, с точки зрения Б. Кроука. Д.Б. Брэдли, напротив, обращает внимание на ряд риторических фрагментов в работе Иордана, которые противоречат предположению о недостаточном владении Иорданом литературной латынью. Впрочем, А. Кристенсен справедливо замечает, что в подобных случаях не всегда возможно разделить авторство Иордана и Кассиодора, отчего все утверждения относительно грамотности Иордана приобретают исключительно предположительный характер [5. С. 93–94].

В приведенном выше высказывании Иордана о себе присутствует еще одно указание на род его деятельности, которое также породило острые дискуссии в среде источниковедов. Речь идет об обороте «ante conversionem», переведенном Е.Ч. Скржинской как «до своего обращения» [1. С. 113]. Закономерно возникающий вопрос, что же это было за обращение, имеет несколько вариантов ответов. Исходя из наиболее распространенного значения в период Средневековья термина «conversionem», речь всеми исследователями так или иначе ведется о религиозной стороне вопроса. Однако «conversionem» может трактоваться и как «возвращение», в данном случае со службы нотарием.

Если же рассматривать высказывание об обращении как свидетельство перехода из одной веры в другую, то подразумеваются два варианта: обращение из язычества в христианство и обращение из арианства в ортодоксию. Оба предположения основаны на мнении о готском происхождении Иордана; в этом случае версия об отказе от арианства в пользу православной веры оказывается наиболее рациональной, поскольку арианство было распространено именно среди готов. Е.Ч. Скржинская указывает в качестве подтверждения этой версии на резко негативное отношение Иордана к императору Валенту, арианину, и к данной ереси, названной «perfidia» – неверность, предательство («лжеучение» в переводе Е.Ч. Скржинской) [1. С. 87–88]. Впрочем, данный пассаж напрямую свидетельствует только о религиозных симпатиях и антипатиях Иор-

дана. Сама Е.Ч. Скржинская в определении значения «conversion» вновь придерживается точки зрения Й. Фридриха – гипотезы о вступлении Иордана в ряды *religiosi*, мирян, следующих отдельным монашеским правилам [4. С. 22].

Впрочем, за исключением Е.Ч. Скржинской, эта гипотеза не нашла поддержки у исследователей, сформировавших две позиции относительно социального и религиозного статуса Иордана. Одна из них принадлежит Т. Моммзену, считавшему обращение Иордана вступлением в ряды фракийского монашества, другая – В. Ваттенбаху, относящему автора «Гетики» к сословию священников. Последнее предположение связано с упоминанием папой Вигилием в письме (531 г.) Иордана, епископа города Кротон [5. С. 94]. К нему склоняются и современные отечественные исследователи «Гетики», в противовес критике Е.Ч. Скржинской [7. С. 98; 8. С. 64]. А. Кристенсен, однако, поддерживает критическое отношение к отождествлению Иордана с епископом Кротона, сам при этом высказываясь о роде деятельности Иордана крайне осторожно: не имея достоверных сведений о численности населения Европы и империи в VI в., учитывая распространенность среди этого населения имени Иордан, бессмысленно пытаться отождествить автора «Гетики» с какими-либо известными историческими фигурами [5. С. 101].

Таким образом, невозможно с какой-либо уверенностью говорить о личности, социальном статусе и карьере Иордана. Тем не менее определенные выводы о нем и о достоинствах и недостатках «Гетики» как исторического источника можно сделать, основываясь на параллелях и заимствованиях Иордана из других хроник. О том, что в «Гетике» использованы данные различных греческих и латинских авторов, можно судить по словам самого Иордана: «...ut a Graecis Latinisque auctoribus asserimus» [1. С. 64]. Однако Е.Ч. Скржинская, высказывающаяся в пользу широкой образованности Иордана, опираясь на эти слова, отмечает, что трудно определить, принадлежит этот фрагмент Иордану или Кассиодору [4. С. 25]. Образованность и начитанность последнего находятся вне всяких сомнений, но этого нельзя сказать об Иордане. В частности, существуют сомнения, что Иордан владел греческим языком [7. С. 99]. Это дает основания не доверять сведениям «Гетики» относительно событий в Восточной империи, поскольку к VI в. летописная традиция Востока существовала только в рамках греческой историографии.

Характерна деталь, отмеченная еще Т. Моммзеном: значительная часть введения к «Гетике» также является заимствованием, повторяя предисловие Руфина Аквилейского к его латинскому переводу и комментариям произведений Оригена. Это может служить косвенным свидетельством того, что Иордан предпочитал латинские источники греческим. Е.Ч. Скржинская усматривает в этом скрытом цитировании Руфина знак уважения к известному на Западе авторитету, своего рода дань памяти, и в целом старается оправдать Иордана в этом случае устоявшимся риторическим каноном [4. С. 30]. Ф. Курта идет несколько дальше в своих выводах относительно причин заимствования из Руфина. Для него это свидетельство тесного знакомства Иордана – после его *conversio* – с религиозной жизнью империи, с полемикой вокруг оригенизма, развернувшейся в

полную силу в 530–550-х гг. в связи с запрещающим эдиктом Юстиниана и в преддверии V Вселенского собора [9. С. 39]. Иордан предстает человеком, уставшим от бурной жизни армейского нотариуса, удалившимся на покой, но осведомленным и активно интересующимся общественными процессами в империи. Однако и эта точка зрения остается дискуссионной.

П.В. Шувалов и Р.Б. Рудницкий предполагают, исходя из обстоятельного текстологического анализа «Гетики», что слова Руфина во введении заимствованы не Иорданом, но самим Кассиодором; введение представляется исследователям не авторским голосом Иордана, а такой же переписанной частью хроники Кассиодора, как и вся остальная «Гетика» [8. С. 71]. Таким образом, даже та небольшая часть выводов, которая касается фигуры Иордана и мотивов создания им «Гетики», оказывается под сомнением. С этой точки зрения переписыванием и сокращением некоего сочинения, посвященного истории готов, занимался не Иордан, но сам Кассиодор, добавляя при этом от себя сведения греческих авторов (вставка об использовании и латинских хроник, видимо, принадлежит Иордану, который действительно и несомненно для последних глав «Гетики» использовал новейшее по тем временам сочинение Марцеллина Комита). П.В. Шувалов и Р.Б. Рудницкий считают исходным материалом теперь уже для Кассиодора работу некоего готского историка Аблавия [8. С. 72].

Об Аблавии как авторе достовернейшей (*verissima*) истории готского народа упоминается в «Гетике» три раза в связи с происхождением и ранней историей готского племени [1. С. 67, 78, 85]. Однако, кроме «Гетики» Иордана, ни в одном источнике имя историка Аблавия и ссылки на его хронику не встречаются. Е.Ч. Скржинская считает сочинение Аблавия уникальным по своей сути и уповаает на то, что рано или поздно оно обнаружится в одном из забытых архивов и прояснит происхождение и становление готского народа [1. С. 67. Прим. 72]. Тем не менее хроника Аблавия остается источниковедческим фантомом, казусом, не имеющим подтверждений своего существования, кроме нескольких сносок у Иордана. Аблавий не идентифицируется ни с одним известным историческим лицом того времени, несмотря на не самое распространенное имя. Таким образом, Иордан, оставаясь загадкой сам, задает подобную же загадку исследователям относительно фигуры Аблавия. Наиболее смелой попыткой решения этой проблемы стала, по мнению А. Кристенсена, работа Р. Хахмана (1970) «Готы и скандинавы». Р. Хахман полагает, что «История готов» Аблавия была посвящена в основном вестготам и написана в Тулузском королевстве в начале правления Алариха II (кон. 480-х – нач. 490-х гг.); Кассиодор же выступал по отношению к ней как компилятор, как Иордан по отношению к нему самому [5. С. 310]. Однако ввиду отсутствия текста Аблавия хотя бы даже во фрагментах, цитатах и упоминаниях подобное предположение повисает в воздухе, оставаясь, впрочем, достаточно вероятным.

Сам А. Кристенсен именно в связи с прозрачностью фигуры Аблавия называет его мифическим писателем, что вполне отражает отношение исследователя к рассуждениям относительно идентификации Аблавия и его хроники. Хотя и принимая в целом возможность существования такого историка, А. Кристенсен отрицает

аутентичность его хроники реальной истории готов и сомневается, что данное сочинение было посвящено именно готам, а не в целом истории с библейских времен, как это было принято в ранне-средневековом христианском летописании [5. С. 345].

Иордан не ограничивается ссылками на Аблавиа. В «Гетике» цитируются многие греко-римские авторы – Тацит, Страбон, Иосиф Флавий, Тит Ливий. Е.Ч. Скржинская отмечает в «Гетике» фрагменты и более близких хронологически для Иордана историков – Аммиана Марцеллина, Орозия, Евтропия, Сократа Схоластика, Иеронима, Марцеллина Комита [4. С. 25]. Вновь встает вопрос: речь идет об Иордане или же о Кассиодоре, для которого знакомство с актуальной греко-римской историографией представляется необходимым?

Однако внимание современных исследователей привлекает не столько античный историографический топос в риторическом пересказе Кассиодора, сколько упоминание о неких «древних песнях» готов (*in prisca eorum carminibus*), на сведения которых опирается Иордан [1. С. 67]. Если Иордан или Кассиодор действительно использовали данные готских сказаний и саг для верификации греко-римской традиции, степень аутентичности «Гетики» неизмеримо возрастает. Однако и здесь А. Кристенсен ставит слова Иордана под сомнение: Иордан (как и, очевидно, Кассиодор) смешивает историю гетов, скифов и готов, свободно варьируя эти этнонимы и осуществляя их взаимную подмену; тем самым формируется искусственный псевдоисторический конструкт, основанный исключительно на мозаичном сочетании сведений греко-римской историографии. Собственно готы появляются на страницах «Гетики» не ранее правления Валериана и Галлиена (вторая половина III в.), именно тогда, когда о них упоминают и Иероним, и Евтропий, и Орозий, основные историки конца IV – начала V в., на базе произведений которых выстраивались последующие хроники [5. Р. 111–112, 249]. Таким образом, сочинение Иордана / Кассиодора о готах основывается исключительно на античных источниках, более того, источниках, не аутентичных описываемым событиям.

Один из наиболее значимых фрагментов «Гетики», традиционно относимый к готской устной традиции, касается истории державы короля Эрманариха [1. С. 84–88]. Его имя упоминает Аммиан Марцеллин в значительно более кратком рассказе [10. С. XXXI, 1–3]. А. Кристенсен пытается обосновать тезис о полном заимствовании Кассиодором всех сведений об Эрманарихе у Марцеллина, при этом Кассиодор риторически соотносит фигуру Эрманариха с древнеримскими анало-

гами эпохи царей, тем самым героизируя и мифологизируя готского правителя [5. С. 196–197]. Характерно, что в средневековых германских сказаниях о Дитрихе Бернском Эрманарих выступает именно в качестве римского короля.

Принимая точку зрения А. Кристенсена о полной искусственности реконструкции готской истории Кассиодором и Иорданом и исключительной латинской ее основе, следует предположить инверсию исторического сознания средневековой Европы: образ Эрманариха является одним из ключевых в ряде германских и скандинавских саг («Видсид», «Подстрекательство Гудрун», «Сага о Вельсунгах», «Сага о Хервер и Хейдрек»), зафиксирован в «Истории данов» Саксона Грамматика, везде в той или иной степени коррелируя со сведениями Иордана. Если «Гетика» Иордана не имела ничего общего с устной готской традицией, являясь артефактом римской и италийской политической конъюнктуры, то позднейшая средневековая историческая традиция германцев отталкивалась уже от нее в стремлении сформировать свою идентичность.

Подобная точка зрения небезынтересна, но достаточно спорна. Большинство исследователей склоняются к восприятию данной хроники как метатекста минимум третьего порядка – изначально совершенно искусственной, но еще и неоднократно откорректированной в соответствии с политической конъюнктурой псевдоисторией готов. В этом смысле «Гетика» представляет собой характерное зеркало исторического периода. Нельзя воспринимать это сочинение как позитивистски беспристрастную хронику событий или отражение некоего аутентичного исторического сознания. Представляется, что наиболее продуктивными вопросами в адрес «Гетики» будут не что именно и о чем в ней написано, но как и зачем. «Гетика» не повествует об истории готов, но сама является частью этой истории и ее творцом. Она – результат кризиса одновременно и римской, и варварской идентичностей, попытка культурной ассимиляции варварских отрядов и вождей, вопреки имперской традиции оказавшихся правителями; попытка формирования собственно готского самосознания и самоопределения и потому позитивно отзывавшаяся среди римлян, среди варваров и среди тех, кто уже не мог уверенно отнести себя ни к той, ни к другой категории. Последних же со временем становилось все больше. Пример «Гетики» исключительно показателен для иллюстрации процесса поэтапного и безболезненного становления постримской Европы во всем ее многообразии и синкретизме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб. : Алетея, 1997.
2. *Cassiodorus*. *Variae*, IX, 25. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/cassiodorus/varia9.shtml>
3. *Вольфрам Х.* Готы. М. : Ювента, 2003.
4. *Скржинская Е.Ч.* Иордан и его *Getica* // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб. : Алетея, 1997.
5. *Christensen A.S.* *Cassiodorus, Jordanes and the history of the Goths*. Museum Tusulanum Press, 2002.
6. *Pohl W.* *Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies* // *Debating the Middle Ages: issues and readings*. Wiley-Blackwell, 1998.
7. *Анфертьев А.Н.* Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. М. : Восточная литература, 1994. Т. 1.
8. *Шувалов П.В., Рудницкий Р.Б.* К вопросу о ритмизированных фрагментах в тексте «Гетики» Иордана // *Вспомогательные исторические дисциплины*. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. Т. 31.
9. *Curta F.* *The making of the Slavs: history and archeology of the Lower Danube Region, ca. 500-700*. Cambridge University Press, 2001.
10. *Аммиан Марцеллин*. Римская история. М. : АСТ, Ладомир, 2005.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2012 г.